

Научная статья

УДК 811.161.1+81`37

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-21-30

Лакунарность и неология: диахронный аспект (на материале эпистолярных текстов русских писателей XIX века)

Юлия Георгиевна Захарова

Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Россия

zug1977@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6172-194X>

Аннотация

Статья посвящена проблеме установления взаимосвязи лакунарности и неологизации языковой системы в диахронном исследовании. Материалом для изучения послужили эпистолярные тексты русских писателей-классиков второй половины XIX в. Разрабатывается содержание термина «лакуна» применительно к диахронии, предлагается авторская классификация лакун по семиотическому критерию; выявляются экстралингвистические и внутриязыковые факторы, определявшие формирование и элиминирование коммуникативно значимых лакун в лексической системе на уровне языка и речи: социальные и культурные процессы, контактирование языков, необходимость в обозначении или трансноминации концептов, законы языковой регулярности, экономии, обобщения и дифференциации, тенденция к экспрессивности; рассматриваются способы (заимствование, словопроизводство, семантическая деривация) и средства компенсации лакун (иноязычная лексика, русские лексические неологизмы, неосемемы).

Ключевые слова

семантика, лакунарность, неология, русский язык XIX в., эпистолярные тексты

Для цитирования

Захарова Ю. Г. Лакунарность и неология: диахронный аспект (на материале эпистолярных текстов русских писателей XIX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 21–30. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-21-30

Lacunarity and Neology: Diachronic Aspect (Based on the Material of Russian Writers' Epistolary Texts of the 19th Century)

Yuliya G. Zakharova

Pacific State University
Khabarovsk, Russian federation

zug1977@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6172-194X>

Abstract

Purpose. The author considers the problem of establishing a correlation between lacunarity and neologization of the language system in the diachronic aspect using methods of semantic, contrastive, contextual, corpus and quantitative analysis. The material for the study is Russian writers' epistolary texts of the second half of the 19th century.

© Захарова Ю. Г., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 21–30
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 21–30

The author specifies the meaning of the term *lacuna* in relation to diachrony: a lacuna is an empty cell in the lexical system of a language, revealed retrospectively by detecting means that compensate for it.

Results. The author's classification of lacunae is based on a semiotic criterion: conceptual lacunae are empty cells in the lexical system, which are characterized by the absence of both the signifier and the signified (concept); lexical lacunae are empty cells in the lexical system, which lack a signifier, but have a non-verbalized signified that exists in public or individual consciousness.

Conclusion. Extralinguistic and intra-linguistic factors determined the formation and compensation of communicatively significant lacunae in the lexical system at the level of language and speech: changes in the socio-political, economic, cultural life of Russia; interlanguage contacts; the need for nomination or re-designation of the concept; the laws of linguistic regularity, analogy, generalization and differentiation, economy, the tendency to expressiveness.

Keywords

semantics, lacunarity, neology, the Russian language of the 19th century, epistolary texts

For citation

Zakharova Yu. G. Lacunarity and Neology: Diachronic Aspect (Based on the Material of Russian Writers' Epistolary Texts of the 19th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 21–30. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-21-30

Введение

Лакунарность лексической системы и ее неологизация – это непосредственно связанные категории. Наличие лакун в лексике любого языка – мощный стимул для ее обновления. По выражению Г. В. Быковой, «именно феномен лакунарности сохраняет наш язык “живым как жизнь”» [1999, с. 44]: «Развитие лексики литературного языка во многом определяется <...> противоречием между потребностью назвать ту или иную реалию и отсутствием такой лексической единицы в рамках традиционной нормы» [Там же, с. 115].

Для исследования неологии прошлых эпох очень важно сформулированное В. Л. Муравьевым положение о необходимости рассмотрения феномена лакунарности не только в синхронном плане, но и в диахронии, поскольку лакуны – исторически изменчивая категория, эволюционирующая вместе с лексикой и теми понятиями, которые находят в ней отражение [Муравьев, 1975, с. 23]. Г. В. Быкова высказала справедливую мысль о том, что все инновации в лексике (варваризмы, окказионализмы, собственно неологизмы и др.) «допустимо считать зеркалом, в котором можно рассмотреть лакуну, т. к. каждая из них может стать (и зачастую становится) антилакуной-моноплеусом» [Быкова, 1999, с. 99].

Тесно связаны также **категории лакунарности и потенциальности**, поскольку существующие лакуны потенциально могут быть заполнены, т. е. могут быть реализованы возможности, заложенные в языковой системе. В современных лингвистических исследованиях потенциальность рассматривается как универсальное свойство языковой системы, связанное с представлением о языке «как системе возможностей», которая противопоставлена норме как «системе обязательных реализаций» [Тарасова, 2014, с. 1].

Проблема лакунарности чаще всего разрабатывается в исследованиях по сравнительной типологии языков, теории перевода и межкультурной коммуникации (см. [Гак, 1976; Марковина, Сорокин, 2010; Махонина, 2006; Муравьев, 1975; Стернин, 2006] и др.). Феномен лакунарности в диахронии, в его связи на межсистемном и внутрисистемном уровне с явлением неологизации, практически не изучен. Диахронное изучение неологизации языка дает широкие возможности для выявления лакун, способов и причин их элиминирования, рассмотрения лакунарности как важного стимула обновления лексической системы.

Цель исследования состоит в выявлении типов лакун в русской лексической системе второй половины XIX в. и анализе путей и средств их компенсации.

Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили частные письма второй половины XIX в. – Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. А. Гончарова, А. И. Герцена, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, В. М. Гаршина, В. Г. Короленко. Рассмотр-

рено более 18 000 писем 1850–1890-х гг.¹ Эмпирическая база работы составляет 1 055 новых для второй половины XIX в. лексических и семантических единиц, 1 344 контекста их употребления. Эпистолярные тексты являются ценным историко-лексикологическим источником, поскольку частная переписка (дружеская, семейная, деловая, любовная) – зеркало эволюционных процессов в языке и речи: она позволяет проследить вхождение иноязычных и русских неологических единиц в лексическую систему, судить о словообразовательных и семантических процессах изучаемой эпохи, образовании потенциальных и окказиональных лексем и др.

В работе использовались **методы** контрастивного (при выявлении понятийных и лексических лакун в сопоставительном исследовании материала разных языков и на внутрисистемном уровне), семантического, контекстуального, корпусного (при анализе данных НКРЯ) и количественного анализа.

Результаты и обсуждение

Содержание термина *лакуна* находится в зависимости от того направления лингвистики, где он используется. В контрастивных исследованиях, переводоведении лакуна определяется как незанятая лексическая позиция в каком-либо языке, которая обнаруживается при сравнении его с другим: лакуна представляет собой «отсутствие межъязыкового соответствия в одном языке относительно другого» [Стернин, 2006, с. 26]. В этнопсихолингвистике феномен лакунарности рассматривается сквозь призму языка и культуры: лакуны определяются как «пробелы, “белые пятна” на семантической карте языка, текста или культуры, являющихся способами существования национального сознания» [Марковина, Сорокин, 2010, с. 5]. В лингвистических работах общетеоретического характера лакуна объясняется как пробел в лексической системе языка. Например, в английском языке есть гипероним *horse*, который включает в себя обозначение как жеребца, так и кобылы, однако нет слова, которым можно было бы обозначить и корову, и быка [Rajendran, 2019, с. 431].

Под лакуной в **диахронном исследовании** мы понимаем «пустую клетку» в лексической системе языка, выявляемую ретроспективно, путем обнаружения средств, элиминирующих ее: 1) на межъязыковом фоне (в этом случае для компенсации в русском тексте используется иноязычная неолексема), 2) внутри системы (лакуна заполняется собственно русской неологической единицей – окказиональной, потенциальной или получившей со временем узуальный статус).

Главная причина, объясняющая заполнение лакуны, а значит, и появление неологизма, – экстралингвистическая, она носит прагматический характер и связана со сферой речевой коммуникации. Эта причина – коммуникативная релевантность концепта, обозначаемого неологической единицей: 1) коммуникативная значимость нового концепта, который формируется в общественном или индивидуальном сознании, что связано с контактами с другими народами или внутрисоциальными изменениями; 2) актуализация имевшихся концептов, необходимость их вербализации или трансноминации.

Мы полагаем, что в зависимости от того, с чем связаны лакуны в словаре (с отсутствием концепта или только его вербализации), в семиотическом отношении их можно разделить на два типа.

1. Понятийные (концептуальные), представляющие собой пустые клетки в лексической системе, характеризующиеся отсутствием как означающего, так и означаемого (концепта).

2. Лексические – пустые клетки в лексической системе, характеризующиеся отсутствием только означающего при наличии невербализованного означаемого, существующего в общественном / индивидуальном сознании. В составе лексических лакун можно выделить *полные* и *частичные* в зависимости от того, существовали какие-либо частичные универсальные со-

¹ См. список источников языкового материала.

ответствия в выражении понятия в сравниваемых языках или между подсистемами одного языка или несовпадение являлось абсолютным. В составе частичных лакун выделяем *гиперонимические* (выявляются при неполном совпадении денотативного объема значения сравниваемых слов) и *прагматические* (связаны с наличием или отсутствием прагматического компонента в семантике соответствий (стилистической окрашенности, коннотативности (эмоциональности, оценочности), ассоциативности, образности и др.).

Понятийные лакуны обнаруживаются при межъязыковом сопоставлении. Они были связаны с отсутствием в русском языке номинаций для каких-либо концептов, существовавших в концептосфере другого народа, отражавших особенности его культуры, социальной жизни, быта и т. д. В этом случае в письмах лакуны компенсировались с помощью иносистемных единиц. В эпистолярных текстах отмечается всего 6 неологических единиц такого типа (*café, demi-monde, huldigung, réveillon, trattoria, vernissage*), что составляет 0,56 % от общего числа неолексем. Существительные *demi-monde, huldigung, réveillon* употреблялись в текстах только в качестве незуальных единиц, а *café, trattoria, vernissage* со временем были перекодированы и заимствованы русским языком.

Абсолютное большинство неологических единиц второй половины XIX в., зафиксированных в письмах, появилось в результате элиминирования полных и частичных **лексических лакун** (99,44 %). Эпистолярные тексты демонстрируют ведущую роль иноязычной лексики в процессе неологизации во второй половине XIX в.: она составляет 54,02 % единиц от общего числа неологизмов в письмах; 33,7 % – русские лексические новообразования; 12,22 % – семантические дериваты.

В компенсации лексических лакун можно выделить три пути.

1. Заполнение пустой клетки лексической системы в связи с формированием в коллективном или индивидуальном языковом сознании нового концепта, отражающего реалии, события социальной, политической, культурной, бытовой жизни России (и мира в целом) второй половины XIX в.

1.1. Если понятие заимствовалось у другого народа, то лакуна чаще всего заполнялась **иноязычной единицей**. Неологизация сочеталась с неоконцептуализацией в группах:

1) предметной, бытовой и технической лексики – в письмах отражен ряд заимствованных в изучаемый период слов, именовавших явления, факты культуры, быта, технических достижений европейских стран: названия тканей, предметов одежды (*гинюр, драп, куафюра, пиджак, пудеса, фая*); технических изобретений и связанных с ними явлений, процессов (*велосипед, дагерротип, дренаж, полиграф, пульверизатор, ретушь, стереоскоп, телеграмма, телефон, туннель, фототипия, экспресс, элеватор* и др.); заведений (*кафешантан, крематория, морга, санатория*); игр (*крокет, стипль-чез, теннис*);

2) научной терминологии: названия искусственных языков, изобретенных в Европе (*эсперанто, волапюк*); новых понятий в области медицины и биологии (*абортивный, абсорбция, гипнотизировать, дарвинизм, дозировать, инфекционный, массаж, морфинизм, наркотик, невроз, психоз, психопат, фибрин, церебрин*);

3) лексики, связанной с идеологической (религиозной, политической, социальной) сферой: названия новых для российского общества социальных, политических, философских, религиозных учений, явлений, понятий (*антропоцентризм, бабувизм, клерикализм, коммунизм, марксизм, милитаризм, орлеанизм, социализм, фаминизм, штунда*); названия лиц по принадлежности к новым научным, философским, религиозным, политическим и др. сферам (*адвентист, декадент, назарен, символист, социалист, социолог, фенианин, чартист* и др.).

1.2. Новые лексемы появлялись в результате **словопроизводства**, образовывались по продуктивным типам. В эпистолярных текстах можно выделить отвлеченные существительные, мотивированные существительными, прилагательными: русские лексические неологизмы (слова, образованные от производящих основ исконных или иноязычных слов при помощи аффиксов, зафиксированные у разных авторов XIX в., получившие отражение в словарях русского языка XIX – начала XX в., вошедшие в национальный язык рассматриваемого пе-

риода) – *базаровщина, бакунизм, вегетарианство, декадентство, достоевщина, итальянщина, китаизм, народничество, обломовщина, толстовство, толстовщина, хлестаковщина, унитариянство, черничество, штундизм*; не вошедшие в узус слова (в скобках указаны имена писателей, в чьих письмах отмечены названные лексемы) – *адиевщина* (Л. Н. Толстой), *бакуниада* (А. И. Герцен), *бильбасовщина* (М. Е. Салтыков-Щедрин), *бисмарковщина* (А. П. Чехов), *брюлловщина* (И. С. Тургенев), *вагнеромания* (А. И. Герцен), *гартмановщина, гюговщина* (В. М. Гаршин), *дюмасовщина* (И. С. Тургенев), *золаизм* (В. Г. Короленко), *катковизм* (Н. С. Лесков), *писаревщина* (В. М. Гаршин, В. Г. Короленко) и др.; названия лиц по принадлежности к социальной группе, кружку, общественному, религиозному, политическому течению и т. д.: лексические неологизмы – *базаровец, пашковец, постепеновец, стачечник, толстовец, унитариец*; не вошедшие в узус слова – *базароид* (А. И. Герцен), *бисмарец* (А. И. Герцен), *некрасовец* (А. И. Герцен); названия лиц по профессии, роду занятий, образу жизни, увлечению и пр.: лексические неологизмы – *волапюкист, курсистка, массажист, педагогичка, эсперантист*; не вошедшие в узус лексемы – *вагнерофил* (И. С. Тургенев), *гидропатик* (И. А. Гончаров), *ремингтонка* (А. П. Чехов) и другие группы.

2. Вербализация концепта, существовавшего ранее, но не имевшего однословного обозначения.

2.1. Продуктивный способ компенсации лакун такого типа во второй половине XIX столетия – **заимствование лексики**. Письма отражают массовый приток в русский язык западно-европейских слов, которые именовали существовавшие ранее в национальном сознании концепты. Значения иноязычных единиц в русском языке передавались описательно, таким образом, новое слово позволяло компактно выразить мысль: *абсентеизм* – *проживание вне своего имени, отечества*; *аккузация* – *обвинение, поданное в суд*; *вагабунд* – *человек, не имеющий постоянных места жительства и занятий*; *декуражировать* – *отбивать охоту к чему-либо, приводить в уныние*; *диффамация* – *распространение ложных слухов*; *интерпеллировать* – *делать парламентский запрос*; *ректификация* – *поправка, вносимая в печатный текст*, и др.

2.2. Второй способ – это создание нового слова путем реализации **возможностей русской словообразовательной системы**.

Чаще всего стимулом к формированию и заполнению пустых клеток служило заимствование иноязычного слова, которое автоматически открывало «вакантные места» в словообразовательной и лексической системе, поскольку новая единица должна была включиться в деривационные отношения в русском языке – образовать производные. Такое происхождение имеет, например, большая часть абстрактной лексики, образованной по продуктивным типам и зафиксированной в письмах: *бойкотирование* < *бойкотировать*, *брошировка* < *брошировать*, *реабилитирование* < *реабилитировать*, *ипокритство* < *ипокрит*, *легальность* < *легальный*, *мотивировка* < *мотивировать*, *претенциозность* < *претенциозный*, *репортерство* < *репортер*, *тенденциозность* < *тенденциозный* и др.

2.3. Третий способ компенсации коммуникативно значимой лексической лакуны – вторичное использование языкового знака, т. е. **семантическая деривация**. В рамках этого способа можно выделить два направления.

1) Переносное значение формировалось непосредственно на базе прямого. Например, эпистолярные тексты отражают формирование во второй половине XIX в. переносного (метафорического) значения у слов *суррогат* – «подобие чего-либо; то, что подменяет собой что-либо» (БАС, 1964, т. 16, с. 1532): *Что же касается до книги Чернышевского – вот главное мое обвинение против нее: в его глазах искусство есть, как он сам выражается, только суррогат действительности, жизни – и в сущности годится только для людей незрелых* (И. С. Тургенев – П. В. Анненкову, 1855) (Тургенев, 1986, т. 3, с. 49); *фермент* – «о ком-, чем-либо, способствующем развитию, усилению чего-либо» (БАС, 1964, т. 16, с. 1318): *В дворянстве находится революционный фермент; он не имел в России другого поприща – яркого, кровавого, на площади, – кроме поприща литературного, там я его и проследил*

(А. И. Герцен – В. С. Печерину, 1853) (Герцен, 1961, т. 25, с. 55); *эмбрион* – «зачаток какой-либо мысли, идеи» (БАС, 1965, т. 17, с. 1857): *Ваше стихотворение мне кажется эмбрионом прекрасного стихотворения* (Л. Н. Толстой – А. А. Фету, 1875) (Толстой, 1953, т. 62, с. 149) (ср. с примерами из НКРЯ: *эмбрион стыдливости* (М. Е. Салтыков-Щедрин); *эмбрион будущего человека 60-х годов; всех своих героев он показал сначала в эмбрионе* (Н. В. Шелгунов); *нравственный эмбрион в поэме* (Ф. М. Достоевский) и др.).

2) В производном слове переносное значение развивалось под влиянием производящего, в котором наблюдался семантический деривационный сдвиг. Например, одно из писем А. И. Герцена позволяет говорить о формировании в 1850-х гг. в семантической структуре отвлеченного существительного *ремесленничество* под влиянием переносного значения производящего *ремесленник* («тот, кто работает без творческой инициативы, по сложившемуся шаблону» (БАС, 1961, т. 12, с. 1208)) нового лексико-семантического варианта – «работа без творческой инициативы, по сложившемуся шаблону» (БАС, 1961, т. 12, с. 1209): *Помни, что тебе в особенности недостает классического образования, т.е. того общего очеловечения, которое именно и называется "humaniora" <...> Без нее страшно то, что легко можно впасть в ремесленничество науки и за множеством фактов потерять общность дела* (А. А. Герцену, 1858) (Герцен, 1962, т. 26, с. 211–212).

3. Трансноминация концепта.

3.1. Повторное лексическое обозначение концепта могло быть связано с необходимостью генерализации или детализации каких-либо признаков, на уровне лексической системы – с наличием парадигматических **гиперо-гипонимических лакун**. Чаще всего такие лакуны в русском языке (речи) второй половины XIX в. обнаруживались и компенсировались при межъязыковом контактировании, ср. иноязычные лексемы, отраженные в письмах, с исконно русскими соответствиями: *чемпион* – *победитель* (существительное *чемпион* содержит дифференцирующие семы 'спорт', 'состязание' и является гипонимом по отношению к исконному слову); *эссе* – *очерк* (первое слово является гипонимом по отношению ко второму, поскольку содержит дифференцирующие компоненты значения 'литературно-публицистический', 'непринужденная форма'); *blagueur* (фр.) – *лгун, хвастун* (в русском языке существует лакуна для гиперонима, объединяющего гипонимы *лгун* и *хвастун*).

3.2. Вторичные номинации могли возникать при коммуникативной потребности в прагматически маркированных лексических единицах, необходимости в образно-экспрессивном, стилистически сниженном, отрицательно-оценочном обозначении концепта, т. е. в результате компенсации **прагматических лакун**.

В письмах отмечается ряд образных неологизмов семантического типа, появившихся в качестве синонимов к словам с нейтральным значением. Приведем некоторые примеры. Метафорическое значение адъектива *клубничный* – 'чувственный, эротический' не зафиксировано в толковых словарях XIX в. Оно оформилось на основе переносного значения слова *клубничка* («о чем-либо нескромном, скабрезном, связанном с эротическими похождениями» (БАС, 1956, т. 5, с. 1051)). Судя по письму Н. С. Лескова, прилагательное *клубничный* в указанном значении активно употреблялось в литературной критике второй половины XIX в.: *Жаль, если этот рассказ останется мало замеченным – а это возможно, как возможно и то, что его справедливые направленские рецензенты назовут «клубничным» и т. п.* (С. Н. Шубинскому, 1885) (Лесков, 1958, т. 11, с. 306).

В письмах других авторов в новых для второй половины XIX в. значениях употребляются слова *деревянный* – «бездушный, неживой, бесстрастный»: *Объяснилась с Дмитриевым, который, по ее словам, говорил обо мне просто с отеческою нежностью. А ведь при мне такой суровый, казенный и **деревянный!*** (В. М. Гаршин – Е. С. Гаршиной, 1872) (Гаршин, 1934, с. 435); *суконный* – «плохой, несовершенный, нескладный (о языке, речи)»: *Это один из соотечественников, не знающий ни слова по-французски, ругался. Извозчик с час его кружил, а он ничего ему, кроме: *иси!* – сказать не может. И с таким-то **суконным** языком ездит по городу, квартиры ищет* (М. Е. Салтыков-Щедрин – А. Н. Кракову, 1875) (Салтыков-Щедрин,

1976, т. 18, кн. 2, с. 240); *бонбоньерочный* – «слащавый, неестественный (напоминающий изображения на бонбоньерках)»: *После «Татьяны» моя пьеса представляется мне бонбоньерочной, хотя я до сих пор не уяснил себе, хороша Ваша пьеса или же нет* (А. П. Чехов – А. С. Суворину, 1888) (Чехов, 1976, т. 3, с. 93) и др. Переносное значение последнего прилагательного в словарях не отражено, но отмечается и у других авторов: О. Н. Ольнем (1909), С. К. Маковского (1910) [Захарова, 2021, с. 140].

При наличии в языке стилистически нейтральной лексемы писатель нередко искал возможность выразить какое-либо значение с помощью оценочного, стилистически сниженного слова. С 30-х гг. XIX в. в русском языке существовало отвлеченное существительное *субъективность* (НКРЯ), И. С. Тургенев использует вместо него в одном из писем потенциальное (для эпохи писателя) существительное *субъективщина*, которое было образовано от прилагательного *субъективный* при помощи суффикса *-щин-* со значением «явление, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом» (Лопатин, Улуханов, 2016, с. 700). Неузואльный характер слова и его сниженный оттенок показаны в тексте письма с помощью графических метаоператоров – подчеркивания, кавычек: *Я всегда, как Вам известно, старался быть, по мере возможности, объективным в том, что я делал; а тут такая «субъективщина», что беда!* (М. М. Стасюлевичу, 1878) (Тургенев, 2015, т. 16, кн. 1, с. 111). Существительное *субъективщина* не встречается в НКРЯ, не отражено в словарях XIX–XX вв. С пометой «новое» оно впервые фиксируется в «Словаре словообразовательных аффиксов русского языка» (2016) (Лопатин, Улуханов, 2016, с. 701).

Нигилизм как система взглядов, предполагающая отрицание общественных ценностей (эстетических, моральных), узкий практицизм, грубый материализм, вызывал резко отрицательное отношение у многих образованных людей. В письмах Ф. М. Достоевского неоднократно отмечается дериват *нигилятина*, образованный, по-видимому, окказиональным способом морфемной субституции от слова *нигилизм* (с заменой суффикса *-изм-* на *-ятин-*). Он используется как экспрессивное обозначение понятия *нигилизм*, а также в собирательном значении ‘нигилисты’: *Ведь я, например, ужасно как хотел написать про Ольгу Иванову, из процесса о подделке Тамбовских акций, как про тип бессознательно въевшейся нигилятины, в самом отвратительном и полном виде, в девчонку, которая, может быть, и не слыхала никогда про нигилизм <...>* (В. П. Мещерскому, 1874) (Достоевский, 1986, т. 29, кн. 1, с. 315); *Пишете, что убийцу Мезенцова так и не разыскали и что наверно это нигилятина* (В. Ф. Пуциковичу, 1878) (Достоевский, 1988, т. 30, кн. 1, с. 43).

Заключение

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о наличии в лексико-семантической системе русского языка второй половины XIX в. понятийных и лексических лакун. Процесс неологизации языка и речи был связан главным образом с элиминированием коммуникативно значимых полных и частичных (гиперо-гипонимических, прагматических) лексических лакун. Выделяются три пути их компенсации: вербализация нового концепта; концепта, существовавшего ранее, но не имевшего универбального обозначения; трансоминация концепта. В качестве способов компенсации «пустых клеток» выступали процессы заимствования, словопроизводства, семантической деривации, в качестве средств – иноязычная лексика (иносистемные, интерсистемные и заимствованные единицы), семантические и словообразовательные дериваты (неологизмы, вошедшие в узус; потенциальные, окказиональные слова).

Список литературы

Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии: Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. 368 с.

- Гак В. Г.** Сравнительная типология французского и русского языков: Учеб. пособие. Л.: Просвещение, 1976. 286 с.
- Захарова Ю. Г.** О некоторых особенностях семантической деривации прилагательных в русском языке второй половины XIX века (на материале писем А. П. Чехова) // Acta linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований. 2021. Т. 3, № 17. С. 133–151.
- Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А.** Культура и текст. Введение в лакунологию: Учеб. пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 144 с.
- Махонина А. А.** Проблема описания лексической лакунарности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 16 с.
- Муравьев В. Л.** Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир: ВГПИ, 1975. 97 с.
- Стернин И. А.** Контрастивная лексикология // Контрастивная лексикология и лексикография / Под ред. И. А. Стернина, Т. А. Чубур. Воронеж: Истоки, 2006. С. 7–48.
- Тарасова М. А.** Переводы современной англоязычной поэзии на русский язык в аспекте потенциальности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 25 с.
- Rajendran S.** Lexical Gaps in the Vocabulary Structure of a Language // Language in India. 2019. Vol. 19 (3). P. 431–449.

Список источников и словарей

- БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Наука, 1950–1965.
- Гаршин В. М.** Письма. Л.: Academia, 1934. 616 с.
- Герцен А. И.** Собр. соч.: В 30 т. Письма. Т. 23–30. М.: Наука, 1961–1965.
- Гончаров И. А.** Литературно-критические статьи и письма. Л.: Гослитиздат, 1938. 404 с.
- Гончаров И. А.** Полн. собр. соч. и писем: В 8 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 8. 576 с.
- Достоевский Ф. М.** Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма. Л.: Наука, 1985–1988. Т. 28–30.
- Короленко В. Г.** Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 10: Письма. 1879–1921. 717 с.
- Лесков Н. С.** Собр. соч.: В 11 т. М.: Худож. лит., 1958. Т. 10–11.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С.** Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 20.12.2021).
- Салтыков-Щедрин М. Е.** Собр. соч.: В 20 т. Письма. М.: Худож. лит., 1965–1977. Т. 18–20.
- Толстой Л. Н.** Полн. собр. соч.: В 90 т. Письма. М.: Худож. лит., 1935–1957. Т. 59–72, 83–88.
- Тургенев И. С.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1987–2003. Т. 2–16.
- Чехов А. П.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974–1980. Т. 1–9.

References

- Vukova G. V.** Lakunarnost' kak kategoriya leksicheskoi sistemologii [Lacunarity as a category of lexical systemology]. Dr. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 1999, 368 p. (in Russ.)
- Gak V. G.** Sravnitel'naya tipologiya francuzskogo i russkogo yazykov [Comparative typology of French and Russian languages]. A textbook. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1976, 286 p. (in Russ.)
- Machonina A. A.** Problema opisaniya leksicheskoi lakunarnosti [The problem of describing lexical lacunarity]. Abstract of the Cand. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 2006, 16 p. (in Russ.)
- Markovina I. Yu., Sorokin Yu. A.** Kul'tura I tekst. Vvedenie v lakunologiyu [Introduction to Lacunology]. A textbook. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2010, 144 p. (in Russ.)

- Muraviev V. L.** Leksicheskie lakuny (na materiale leksiki frantsuzskogo i russkogo yazykov) [Lexical gaps (based on the vocabulary of French and Russian)]. Vladimir, VSPI Press, 1975, 97 p. (in Russ.)
- Sternin I. A.** Kontrastivnaya leksikologiya [Contrastive lexicology]. In: Sternin I. A., Chubur T. A. (eds.). Kontrastivnaya leksikologiya i leksikografiya [Contrastive lexicology and lexicography]. Voronezh, Istoki Publ., 2006, pp. 7–48. (in Russ.)
- Rajendran S.** Lexical Gaps in the Vocabulary Structure of a Language. *Language in India*, 2019, vol. 19 (3), pp. 431–449.
- Tarasova M. A.** Perevody sovremennoi angloyazychnoi poezii na russkii yazyk v aspekte potentsialnosti [Translations of modern English-language poetry into Russian in the aspect of potentiality]. Abstract of the Cand. Philol. Sc. Diss. Moscow, 2014, 25 p. (in Russ.)
- Zakharova Yu. G.** O nekotorykh osobennostyakh semanticheskoi derivatsii prilagatelnykh v russkom yazyke vtoroi poloviny XIX veka (na materiale pisem A. P. Chekhova) [On some features of semantic derivation of adjectives in the Russian language of the second half of the 19th century (based on the letters of A. P. Chekhov)]. *Acta linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 2021, vol. 3, no. 17, pp. 133–151. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

- Chekhov A. P.** Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Pisma: V 12 t. [Complete works and letters in 30 vols. Letters in 12 vols.]. Moscow, Nauka, 1974–1980, vol. 1–9. (in Russ.)
- Dostoevsky F. M.** Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. Pis'ma [Complete works. In 30 vols. Letters]. Leningrad, Nauka, 1985–1988, vol. 28–30. (in Russ.)
- Garshin V. M.** Pis'ma [Letters]. Leningrad, Academia, 1934, 616 p. (in Russ.)
- Gercen A. I.** Sobranie sochinenii: V 30 t. Pis'ma [The collected works. In 30 vols. Letters]. Moscow, Nauka Publ., 1961–1965, vol. 23–30. (in Russ.)
- Goncharov I. A.** Literaturno-kriticheskie stat'i i pis'ma [Literary and critical articles and letters]. Leningrad, Goslitizdat, 1938, 404 p. (in Russ.)
- Goncharov I. A.** Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 8 t. [Complete works and letters. In 8 vols.]. Moscow, GIHL, 1955, vol. 8, 576 p. (in Russ.)
- Korolenko V. G.** Sobranie sochinenii: V 10 t. [The collected works. In 10 vols.]. Moscow, Goslitizdat, 1956, vol. 10. Letters. 1879–1921, 717 p. (in Russ.)
- Leskov N. S.** Sobranie sochinenii: V 11 t. [The collected works. In 11 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1956–1958, vol. 10–11. (in Russ.)
- Lopat'nikov V. V., Ulukhanov I. S.** Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka [Dictionary of word-forming affixes of modern Russian]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. (in Russ.)
- Natsionalnyi korpus russkogo yazyka [Russian national corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed 20.12.2021).
- Saltykov-Shchedrin M. E.** Sobranie sochinenii: V 20 t. [The collected works. In 20 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1965–1977, vol. 18–20. Letters. (in Russ.)
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. [Dictionary of modern Russian literary language. In 17 vols.]. Moscow; Leningrad, Nauka, 1950–1965. (in Russ.)
- Tolstoy L. N.** Polnoe sobranie sochinenii: V 90 t. Pis'ma [Complete works and letters. In 90 vols. Letters]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1935–1957, vol. 59–72, 83–88. (in Russ.)
- Turgenev I. S.** Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t. [Complete works and letters. In 30 vols. Letters. In 18 vols.]. 2nd ed., cor. and sup. Moscow, Nauka, 1982–2003, vol. 2–16. (in Russ.)

Информация об авторе

Юлия Георгиевна Захарова, кандидат филологических наук, доцент
RSCI Author ID 325797
SPIN 9118-3175

Information about the Author

Yuliya G. Zakharova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
RSCI Author ID 325797
SPIN 9118-3175

*Статья поступила в редакцию 30.12.2021;
одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 17.02.2023
The article was submitted on 30.12.2021;
approved after reviewing on 17.02.2023; accepted for publication on 17.02.2023*